

форма демократии - демократия личного участия в отличие от современной формальной - представительной демократии, где избранным нет дела до электората.

7. Наконец, современный ремесленник может соединять в своей продуктивной деятельности основы науки и дизайна, национальные традиции, символику и инновации, разнообразия формы творческой самореализации. Высшее или среднее профессиональное образование, художественная подготовка и т.п. не инородны ремесленничеству.

В целом, ремесленничество есть социальный институт, включающий в себя определенную духовно-ценностную доминанту, национальные традиции, креативно-антропологическое и социокультурное измерения, продуктивную деятельность, экономические формы и нормативно оформленные процедуры функционирования. Меры по развитию ремесленничества есть лично развивающие инвестиции в продуктивную деятельность, в креативно-антропогенную сферу - в образование, культуру, социальную инфраструктуру.

А. А. Коряковцев

МОЛОДЕЖНОСТЬ КАК РЕПРЕССИВНЫЙ ДИСКУРС РЕМЕСЛЕННОСТИ

**Коряковцев
Андрей Александрович**

докторант Института философии и права УрОРАН

До сих пор одним из самых распространенных понятий, употребляемых для описания социальных и культурных реалий середины XX - начала XXI века, является понятие «молодежная субкультура». Между тем познавательная ценность его более чем сомнительна. Даже можно сказать об абсурдности этого понятия, до такой степени оно не вяжется с историческими фактами.

В нем сделан акцент на возраст, на «молодежность». Выходит, «молодежной субкультуре» должна противостоять субкультура «взрослая». Это тем более странно, что речь идет именно о культуре, в которой возрастные факторы играют весьма опосредованную роль. Следуя логике, заложенной в этом понятии, можно и М. Ю. Лермонтова, умершего всего в 27 лет, назвать «молодежным писателем». А первоначальное христианство считать по преимуществу молодежным движением. Во-первых, потому что его основатели - апостолы и сам И. И. Христос - вовсе не были стариками (а последний вообще призывал: «будем как дети!»). Во-вторых, потому что оно идеально вписывается в понятие «молодежной субкультуры», предложенное, например, новейшей исследовательницей вопроса С. И. Левиковой. Вначале оно являлось «эзотерической, эскапистской, урбанистической культурой, созданной молодыми людьми для себя»¹, позже став ««элитарной» культурой, нацеленной на включение молодых людей в общество»².

Но какому историку культуры придет в голову определять как «молодежную тенденцию», допустим, немецкий романтизм начала XIX века только потому, что его творцы - Людвиг Тик, Новалис и т. д. - были молоды? Или русский авангард 20-тых годов, по поводу которого чуткий и проницательный В. Беньямин свидетельствует, что в ту пору общественное внимание было «обращено к авторам не старше 30 лет, к тем, кто либо боролись за победу революции, либо, по крайней мере, с самого начала признали новую реальность»³?

Можно ли называть «молодежной субкультурой» рок-культуру, если ее творцам - уже за 50, как Мику Джаггеру, Йану Андерсену или Борису Гребенникову, равно как и их многочисленным поклонникам? Не говоря уже о том, что содержание произведений, по крайней мере, принадлежащих к рок-классике, содержание, выраженное как в текстах, так и

в музыке таких рок-групп, как, например, Doors, Can, Yes, Pink Floyd или King Crimson, соотносится скорее, с определенными философскими, литературными и музыкальными традициями, нежели с узко-молодежной тематикой⁴.

Можно, конечно, сказать, что да, деятели рок-культуры уже отнюдь не молодые люди, но они творят для молодежи, подобно тому, как тетенька Агния Барто писала для детей. Но если в этом случае утверждается, что рок не является искусством, и все дело в нем сводится к «сексуальной шекотке», как выразился православный философ А. Ф. Лосев, правда, о джазе (но это в данном случае все равно, тем более что существует джаз-рок), то мы в праве потребовать доказательств. Но если нам скажут, что речь идет все-таки об искусстве, то мы в этом случае упрекнем наших оппонентов, что они явно не принимают в расчет эстетическое измерение рока. Что рок, как и всякое искусство, творится для эстетически развитого рецепиента, который не ограничен не только возрастными, но и религиозными, классовыми и всякими другими рамками восприятия. Конечно, у рока, как и у классической музыки, - своя особая аудитория. Конечно, ребенок или фанат тропаря и знаменного распева (тот же А. Ф. Лосев) вряд ли воспримет должным образом всю красоту композиций, скажем, «Tangerine Dream» или «Soft Machine». Но в той же мере окажутся чуждыми ему и сочинения А. Шенберга, Х. Штокгаузена или К. Орфа. Однако разве исключительно возраст, а не широта эстетического кругозора определяет аудиторию искусства? Разве у Баха и «Procol Harum», у Игоря Стравинского и Фрэнка Заппы, у Эрика Сати и Брайана Ино, в конце концов, не обнаружилась одна и та же аудитория?

Правда, среди рок-авторов были такие, которые, подобно Агнии Барто, сознательно ориентировались на определенную возрастную аудиторию, например, В. Цой или ранние «Битлз». Но причиной этого, скорее, был не рок как таковой, а индивидуальная творческая манера данных авторов. Причем, эта манера эволюционировала по мере обретения зрелости артистами, эволюционировала в рамках того же рока. И вслед за мальчишески отвязными «Алюминиевыми огурцами» В. Цоя последовала величественная и мудрая «Легенда», а за сплошными «Г'П kiss you, F'll miss you» Леннона и Маккартни - «Eleanor Rigby» и «Strawberry Fields Forever», ставшие вехами в развитии рок-музыки как таковой.

Не спасают сторонников концепции «молодежной субкультуры» и ссылки на то, что, дескать, имеется в виду возраст не биологический, а социальный.⁵ Ибо, если под

«социальным возрастом» понимается степень «вписанности», «встроенности» в господствующие социальные структуры⁶, и, следовательно, если «молодежь» полагается тот общественный слой, который этой чести не удостоился, то мы смело можем считать молодежь большую часть населения России, которая, как выяснилось в период «капиталистических» реформ, ну никак не может вписаться в рынок.

Основанием для господства лиц любого возраста служит не возраст сам по себе, а определенные социальные отношения. Вот как раз это и пытается скрыть концепция «социального возраста». В ней совершена подмена понятий: абстрактно-антропологическое скрывает за собой то, что указывает на определенные политико-экономические связи. Очевидно, что категория «возраста», примененное для обозначения степени социальной устроенности, относится, скорее, к идеологии, нежели к науке. Причем идеологии властной.

В условиях современного общества (как нашего, так и любого другого ныне существующего) трудности социальной адаптации представителей всех возрастов проистекают из того, что быть социально активным здесь можно только в качестве рабочей силы, всецело зависимой от случайной конъюнктуры рынка труда или в роли номенклатурной единицы, вписанной в рамки бюрократической корпорации (бюрократического рынка). Именно несоответствие или соответствие рыночным стандартам и карьерным требованиям по тем или иным причинам, в том числе и возрастным, влечет за собой существенное изменение образа жизни и снижение/повышение ее качества, а не наоборот. Так, можно без труда привести примеры того, как «молодежность» приветствуется рынком, в том случае, если она соответствует специфике данного бизнеса (например, модельного) или отторгается им, когда ему требуется «производственный опыт».

Итак, культурные, да и политические, революции чаще всего совершались и совершаются молодыми людьми. История вообще «есть смена поколений» (К. Маркс, Ф. Энгельс). Но возрастной фактор этого обстоятельства - вторичен, формален, преломлен через социальные условия, которые являются решающими, содержательными. Иными словами, главным здесь является не то, что, скажем, тем же первым христианам, немецким романтикам, якобинцам, русским «нигилистам» или американским и русским хиппи было от 18 до 40. А то, что в обществах, в которых они жили, господствующие формы социальных институтов и общественного сознания гарантировали полноту прав только в связи с возрастным цензом. Что «путь вверх» предполагал довольно длительную карьеру в государственных структурах или бизнесе. Что средства производства в этих обществах контролировало именно старшее поколение. Что господство определенного класса проявлялось именно как господство старших.

Далее, что молодые люди, входя во «взрослую жизнь», принимали как должное достигнутый не ими уровень производительных сил общества, и не испытывали по отношению к нему никакого почтения. Что молодежь в силу своего возраста еще не успела вписаться в доминирующие социальные структуры, и потому ей легче осознать их преходящий характер и ограниченность, чтобы начать творить свою социальную реальность, столь не похожую на реальность молодости предыдущего поколения. Пресловутая «житейская неопытность» молодых - это не только незнание того, как психологически

грамотно выстраивать общение с окружающими, но и искреннее непонимание, зачем шаркать ножкой перед Фамусовыми и Кирсановыми, если те впадают в старческий маразм и как личности ничего из себя уже не представляют, несмотря на все свои регалии и прошлые заслуги.

В этих условиях всякий социальный или идеологический конфликт принимал (и принимает до сих пор) с необходимостью форму конфликта «отцов и детей», за возрастной внешностью которого скрывается столкновение именно между социальной новацией и социальным консерватизмом, между классовыми или групповыми интересами. Ошибочно видеть в поколенческих разборках нечто самодостаточное, самодовлеющее и сводить все дело к коллизии внесоциальной и потому исторически абстрактной, содержательно одинаковой для всех времен. Как будто те же самые историческая реальность и обыденная современность не говорят об обратном — о возможности взаимопонимания между поколениями в случае, если отсутствуют условия, провоцирующие конфликт между ними. Как будто старость — это обязательно маразм, и как будто молодость сама по себе с неизбежностью связана с дерзанием духа. Можно привести в опровержение этого сколько угодно примеров консервативного мышления молодежи вроде созданных под эгидой «Единой России» молодежных организаций «Наши» и «Местные», имеющих ярко выраженную конформистскую направленность. Так же можно указать на омоложение кремлевской администрации, происходящее в настоящее время⁷. И, наоборот, вспомнить о стариковской революционности, как это было, к примеру, у П. Кропоткина, Г. Плеханова или К. Маркса. Старики и молодые люди могут прекрасно понимать друг друга, если одинаково чутко прислушаются к современности и посмотрят на нее с точки зрения не корпоративных интересов, отражающих их обособленное состояние, а с точки зрения общей парадигмы науки или искусства, как это случилось, например, с пожилой А. Ахматовой и юным И. Бродским.

Одним словом, возрастной фактор социальных, а тем более, культурных процессов, нельзя преувеличивать. Биологическое (здесь — возрастное) в человеке не выступает в чистом виде, что утверждают одинаково как богословы (третирующие его как индивидуалистическое животное начало, доминирующее в человеческой природе в результате грехопадения⁸), так и вульгарные материалисты, отрицающие всякое внебиологическое измерение человека. Животное в человеческом индивиде преобразовано социально-исторической практикой предшествующих поколений и его современниками, окультурено ими. Ребенок в материнской утробе, просвеченной УЗИ и находящейся под контролем врача — это продукт не только половых сношений, но и социальной истории, а не просто комок органических тканей. Поэтому и та или иная социальная патология есть проявление вовсе не животного начала, унаследованного человеком от «праотцев», совершивших «грехопадение», либо от животных предков, а есть свидетельство патологии господствующих форм общественной (и индивидуальной) практики. В «животных» формах человеческой жизнедеятельности так же проявляется «человеческое, слишком человеческое», подобно тому, как потребность в свободном общении, свойственная человеку, порой проявляется в потребности выпить «на троих».

Давно уже стало банальным упоминание об «антропологическом сдвиге», произошедшем в XX веке, об увеличении возраста научения, отождествляемым с молодежным

возрастом. Но содержание этого процесса определяется отнюдь не биологическими, а социальными, культурными, конкретно-историческими факторами, о которых биологи или богословы, занимающиеся антропологией, конечно, могут и не знать. Не знать, что если этот процесс выражается в форме массовой инфантильности молодежи, то это связано не столько с особенностями функционирования «биологического» организма человека, сколько с соответствующим состоянием производительных («креативных» по-новому) сил общества, определяющих именно потребительскую модель поведения индивидов, это общество составляющих, и, таким образом, тормозящих их взросление. Подробнее о связях этой модели поведения с предшествующей и господствующей культурой, с наличными технологическими, экономическими и культурными формами, можно почитать у Г. Маркузе в трактате «Одномерный человек» и у Э. Фромма в книге «Иметь или быть?».

В современной социологии часто забывают об этом, чтобы, рассуждая с вульгарно-материалистической, биологизаторской точки зрения, торить дорогу откровенному спиритуализму, столь конъюнктурному ныне.

Будучи по существу биологизаторским и потому лишенным конкретно-исторического (человеческого) смысла, понятие «молодежной субкультуры» только вносит путаницу в социологические исследования. Оно является той бессодержательной категорией, под которую подводятся совершенно разные по своему социальному смыслу явления. Что общего, скажем, у роллеров - любителей весело покататься теплыми летними вечерами по городским улицам на специальных досках с колесиками, с хиппи или панками? Сходство между ними может увидеть только обыватель, до такой степени довольный своей социальной и физической неподвижностью, что ему одинаково чуждыми оказываются и энергичные игры на свежем воздухе, и социальный критицизм. Печально, что современная социальная наука опустила до этой обывательской точки зрения, так же одинаково относясь к каким-нибудь фланерам, озабоченным лишь веселым, но интеллектуально и эстетически пустым, времяпрепровождением, и бунтарям, создавшим великую культуру и поставившим в своей социальной и художественной практике целый ряд общественно значимых проблем.⁹ Это нивелирующее отношение и проявилось как раз в подведении таких разных явлений под одну категорию — «молодежная субкультура», в которой все существенные различия между ними устранены. Соответственно предложенная на этой теоретической основе типология «молодежных субкультур» отражает только внешние различия между этими культурными феноменами, совершенно игнорируя их социальную суть.

Тем самым совершается подмена социального содержания критических движений, возникших во второй половине XX века, возрастным, абстрактно-антропологическим содержанием. Этот спекулятивный фокус тогда же проделали не только советская социология, обслуживавшая интересы социал-бюрократии,

но и западная буржуазная социальная наука, не в меньшей степени идеологизированная. В этой подмене имелась для них очевидная польза, ибо таким образом обосновывалось примерно такое рассуждение: раз сии движения по существу - молодежные, то социальный критицизм их участников связан с их жизненной неопытностью и необразованностью, а, стало быть, проблемы, о которых они ведут речь, недействительны. Придет время, «неформалы» повзрослеют, переберутся, впишутся в господствующие социальные структуры, (которые здесь а priori признаются совершенными) и их проблемы исчезнут сами собой. Кроме того, так оправдывалась социальная инертность этих обществ, по большому счету, в одинаковой степени подверженных бюрократизации. С этой целью в Советском Союзе была придумана категория «молодой писатель» (или художник или иной специалист), широко используемая до сих пор, и обозначающая особое - двойственное - отношение господствующих слоев к таланту. С одной стороны, признание его, с другой — отвержение. «Молодой» здесь - значит попросту не принятый в официальный творческий союз. Но в то же время еще не замученный голодом и не затравленный критикой. В данном случае это понятие означает просто — структурно не адаптированный. Однако, не в связи с возрастом, а в связи со всякого рода стандартами и вкусами власть имущих.

До сих пор в социологии и в СМИ, несмотря на очевидную абсурдность и несоответствие историческим реалиям, доминирует этот подход¹⁰. Тема «молодежности» часто выделяется и противопоставляется более «солидной» тематике. «Молодежность», таким образом, превращается в синоним инфантильности и второсортности, а «молодежь» изображается как незрелая, обособленная масса, как идеальный объект управления. Очевидно, все это затем, чтобы нейтрализовать влияние «молодежного» социального критицизма и снизить его социальную значимость.

1. С. И. Левикова. Молодежная субкультура. - М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. - С. 34.

2. Там же.

3. В. Беньямин. Новая литература в России. - В. Беньямин. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. - М., «Медиум». 1996. - С. 210.

4. См., например, по этому поводу статьи Уильяма Кука «Серьезный ли поэт Джим Моррисон?» и Элизабет Росино «Влияние Рембо на Моррисона», опубликованные в книге «Последний проклятый поэт: Джим Дуглас Моррисон» (М.: Ультра. Культура, 2004. - 288 с.)

5. С. И. Левикова. Молодежная субкультура. - М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. - С. 19.

6. Там же, с. 20-22 и далее.

7. См.: А. Бараулина. Береги чин смолodu. \ \ Русский Newsweek. - 24 апреля-14 мая 2006 - № 16-17 (94-95) -С. 32-36.

8. См., напр.: Х. Яннарас. Вера Церкви. Введение в христианское богословие. - М., Центр по изучению религий. 1992.-С. 232

9. Их наследником в настоящее время является движение «Rain-bow generation», быть может, менее массовое, но не менее красочное.

10. См.: С. И. Левикова. Молодежная субкультура. - М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004.